

ЗАМЕТКИ

Г. М. ПРОХОРОВ

Заметка по поводу статьи Н. А. Чернышева «Апокалипсический сюжет Годуновского паникадила Софийского собора в Новгороде»¹

Остроумная догадка Н. А. Чернышева о том, что конструкция центрального, подкупольного, светильника, хороса, новгородского Софийского собора отражает литературный образ небесного Иерусалима, может быть подкреплена мнением авторитетных знатоков. О символике храма и храмовых светильников хорошо пишет Симеон Солунский (XIV—XV вв.). Храм в целом, объясняет он, служит образом этого видимого мира: его верхняя часть — образ неба, а нижняя — то, что находится на земле, извне же он символизирует землю живущих неразумно и не знающих ничего высшего.² «Поэтому в храме, как в мире видимом, вешаются светильники, — как звезды. Круг светильников изображает твердь и круги планет. Кроме того..., одни (светильники сделаны, — Г. П.) во образ древнего огненного столпа и прямы, другие — во образ купины, иные — во образ колесницы, восхитившей Илию, — колесообразные; одни, три-свещные, — в честь Троицы, — каковы трикирии, другие, седмисвещные, — по числу даров (Святого духа, — Г. П.), иные, двенадцатисвещные, — в честь апостольского лика, посреди коих ставится одна высшая свеча во образ великого света Иисуса. Бывают еще дикирии, знаменующие два естества его, и светильники односвещные, знаменующие единство Троицы или указующие на одного какого-либо святого, перед которым они повешены. Ибо и каждый из святых есть свет по причастию, и душа его есть как бы сияющая свеча».³

Еще лучше подтверждает мысль Н. А. Чернышева описание хороса Благовещенского собора в Лавре св. Афанасия на Афоне, сделанное в XVIII в. В. Григоровичем-Барским. «Весь же храм, — пишет он, — полнь есть от многаго украшения полиелеов, полекандилов и изрядных икон. Свещников шесть, немецкаго дела, на них же по тринадцать свещ стоят: по дванадесять малих окрест, и посреде едина велика... Но глава всему тамо украшению церковному есть некий, от всех святогорцев именуемый, хорос, иже в коемждо монастыре в соборномь обретается храме, единым и тимьжде подобием, кругловиден, аки обруч, но и качеством и

¹ См.: ТОДРЛ, т. XXVIII, Л., 1974, стр. 365—367.

² Блаженного Симеона Фессалоникийскаго Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных. — В кн.: Писания св. отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, т. II. СПб., 1856, стр. 183.

³ Там же, стр. 193—194. См. также: В е н и а м и н, еп. Новая скрижаль, или Пополнительное объяснение о церкви, о литургии, о всех службах и утварях церковных, ч. I. М., 1803, стр. 43.

количеством разнствует, иный бо искуснейшаго мастерства, а иный не весма искуснаго, ин зело велик, а ин мал, а ин посредний, по величеству главы храма; в Лавре же болший всех, понеже и главы храма болша всех храмов святогорских. Хорос убо гречески не что инно знаменует, точию лик торжествующих и чинно окрест обстоящих, наподобие убо живаго лика метафоричным способом и оный бездушный лик, или хорос, нарицается. Есть убо сий хорос — некий обруч спезовый, равную мерою с главою храма соделанный, в широту яко на пяд или болше, или менше, но вес сквозе дирав изваянный, с преплетанием различных тонко изритых цветов, и птиц, и животных, с частими пределами орлов двоглавных и неких кругов, наподобие башен, висит же оцеплен з вию главной храма на дванадѣсять поясах, тоюжде штукаю и художеством излиянных. В иных убо монастырях на осмы поясах висит, в иных же на десяти, по широкости главы церковной; в святой же Лавре на дванадѣсять поясах обешен есть хорос, сицевым образом. Могут же в Росии, идеже суть храмы велики, и на двадѣсятьх поясах его повесити и стократнейшее великолепие явити, но несть тамо таковаго обичая, ниже в инных странах Греции, точию в неких окрест Святой Гори приближающихся жилищ и в земле Волоской, идеже святогорцев многии суть причастнии монастыри. Нижает же обруча онаго, такожде тонко излиянные некие дескоси, диравие, наподобие решет или кадилниц висящих, ваготи ради и праваго висения хороса. Нижает же тых висят кутасы шелковии, красования ради, сверху же, окрест всего хороса обстоят, на острогах водруженнии, свечи многи, в иных монастырях множайшы числом, в инных же меншии, по количеству главы храма. В святой же Лавре на хоросе суть свещь 72, с притворними сверху цветами, наподобие кринов и рощ, иже никогда все запалются, точию некий определенны от них нарочно зажигаются в дны праздничны на всеошных бдениих, в время, егда поется полиелей; от них же неугасаемии суть 33». ⁴

Мысль Н. А. Чернышева побуждает сказать также несколько слов о роли литературы в средневековой культуре.

Иконы, фрески, изваяния почти всегда связаны с тем или иным текстом. Роль музыки в храме — быть «интонацией» текста. Задача архитектуры — оптимально вмещать Слово, его «интонацию» и «иллюстрацию». Литература — госпожа храмового ансамбля искусств.

С концом «средних веков» искусства выходят из такой прямой зависимости от литературы и постепенно обособляются друг от друга. Культура в целом дробится и усложняется, литература перестает быть ее интегратором.

⁴ Второе посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. — ППС, т. III, СПб., 1885, стр. 20—22.